

Тихомиров П. В. Пособие к изучению древнейшей греческой философии [Рец. на:] Таннери П. Первые шаги древнегреческой науки / Пер. Н. Н. Полыновой, С. И. Церетели, Э. Л. Радлова и Г. Ф. Церетели; Предисл. А. И. Введенского. СПб., 1902 // Богословский вестник 1903. Т. 1. № 3. С. 581–594 (2-я пагин.).

БИБЛИОГРАФІЯ.

Пособіе къ изученію древнѣйшей греческой философіи.

П. Таннери, Первые шаги древнегреческой науки. Переводъ *Н. Н. Полыновой*, *С. И. Церетели*, проф-овъ *Э. Л. Радлова* и *Г. Ф. Церетели* съ предисловіемъ проф. *А. И. Введенскаго*. СПб. 1902. Стр. XI+330+119.

Совершенно справедливо въ предисловіи къ настоящей книгѣ проф. Введенскій указываетъ на общепризнанное высоко-поучительное значеніе греческой философіи, характеризуемое слѣдующими словами Виндельбанда: „Опираясь на сравнительно небольшой кругъ свѣдѣній, греческая философія съ какою то особенно величественною простотою создаетъ понятія для его переработки съ точки зрѣнія познанія; со смѣлой неустрашимостью мысли развиваетъ она всѣ необходимѣйшія основныя положенія міросозерцанія. Въ этомъ и состоитъ *титическое свойство* античнаго мышленія и высоко-поучительное значеніе его для исторіи. Нашъ современный языкъ и наше современное міровоззрѣніе сплошь проникнуты данными античной науки; а наивное упорство, съ которымъ древніе философы доходили до одностороннѣйшихъ выводовъ въ отдѣльныхъ вопросахъ мысли, прекрасно уясняетъ намъ ту фактическую и психологическую необходимость, съ какой возникаютъ не только философскія задачи, но и постоянно повторяющіяся въ исторіи попытки къ ихъ разрѣшенію“. Проникнуть въ лабораторію философ-

ствующаго духа на самыхъ раннихъ ступеняхъ его развитія, познаться съ его основными запросами и тенденціями весьма важно для пониманія и оцѣнки не только ближайшихъ послѣдующихъ явленій философской мысли (гдѣ существуетъ уже прямая историческая зависимость), но во многихъ случаяхъ и философіи нашего времени, не смотря на гораздо большую сложность послѣдней и связь съ несравненно высшимъ уровнемъ другихъ наукъ: элементарные психологическіе мотивы философствованія и формы зависимости его отъ состоянія положительныхъ знаній не могутъ не повторяться и въ болѣе развитомъ мышленіи, потому что природа то человѣческая остается вѣдь одна и та же. Изученіе античной философіи въ этомъ случаѣ особенно полезно потому, что, во первыхъ, къ доктринамъ древнихъ мы можемъ отнестись съ большимъ безпристрастіемъ, чѣмъ къ современнымъ философемамъ, представляющимъ зачастую для насъ не одинъ только теоретическій интересъ; — а во вторыхъ, совершенно чуждый намъ кругъ научныхъ представленій древности и обусловленное этимъ своеобразие тогдашнихъ философскихъ идей требуютъ отъ изучающаго постоянного упражненія въ отрѣшеніи отъ современныхъ точекъ зрѣнія и въ умѣннн становиться на точки зрѣнія изучаемыхъ мыслителей, чѣмъ и развивается та драгоценная способность входить въ духъ извѣстной доктрины и понимать ея подлинныя пружины и отношенія, которая столь необходима всякому историку философіи.

Книга Таннери, посвященная первому періоду греческой философіи, — отъ Талеса до эпохи софистовъ и Сократа, — является серьезно задуманной и очень хорошо выполненной попыткой подобнаго проникновенія въ кругъ научно-философскихъ идей древности. Въ этотъ періодъ философія еще не обособилась отъ другихъ наукъ. Поэтому изученіе собственно философскихъ взглядовъ этого періода болѣе, чѣмъ какого либо другого, возможно только въ самой тѣсной связи съ развитіемъ научнаго міросозерцанія вообще. Таннери такъ и дѣлаетъ, почему и книгу свою озаглавливаетъ — не „исторія древне-греческой философіи“, а „первые шаги древне-греческой науки“. Заглавіе это выражаетъ, между прочимъ, сознательное стремленіе автора избѣжать тѣхъ односторонностей, какія допускаются въ изображеніи раз-

сматриваемаго періода греческой мысли нѣкоторыми историками философіи. „Принято считать, говоритъ онъ, первыхъ греческихъ мыслителей философами, а потому ихъ мнѣнія изучались преимущественно философами, историки же отдѣльныхъ наукъ обыкновенно принимали безъ провѣрки выводы, сформулированные наиболѣе авторитетными историками философіи. Однако не трудно замѣтить важные недостатки метода, принятаго философами для возстановленія системъ первыхъ *физиологовъ*, недостатки, препятствующіе ясному пониманію начала развитія наукъ. Философъ конечно прежде всего старается выдѣлить руководящую метафизическую идею изъ разрозненныхъ отрывковъ и отдѣльныхъ извѣстій, приводимыхъ древними авторами относительно каждаго фізіолога. Въ крайнемъ случаѣ онъ и самъ формулируетъ эту идею, не заботясь о томъ, соответствуютъ ли употребляемые имъ термины данной эпохѣ, или нѣтъ. Затѣмъ онъ группируетъ вокругъ этой основной идеи второстепенныя, на его взглядъ, мнѣнія, по возможности устанавливаетъ между ними логическую связь и указываетъ ихъ взаимное вліяніе; но тезисами чисто научаго характера онъ или пренебрегаетъ, или же приводитъ ихъ вскользь, ради ихъ оригинальности“. При этомъ и самыя философскія воззрѣнія раскрываются не безошибочно — „вслѣдствіе стремленія приписывать какому либо мыслителю эпохи эллинизма понятія, впервые разъясненныя Аристотелемъ“. Авторъ, впрочемъ, допускаетъ, что „при соблюденіи должныхъ предосторожностей описанный имъ методъ (который въ сущности впервые былъ введенъ самимъ Аристотелемъ) является единственнымъ, дѣйствительно отвѣчающимъ цѣлямъ исторіи философіи: какъ бы ни было искусственно достигнутое такимъ образомъ возстановленіе мыслительнаго процесса каждаго отдѣльнаго философа, въ совокупности оно даетъ логическое построеніе, болѣе или менѣе удовлетворяющее нашъ умъ и дающее намъ картину постепеннаго—сознательнаго или бессознательнаго — прогресса человѣческой мысли въ области метафизики“. „Но, прибавляетъ онъ, эта картина не открываетъ намъ всей истины; на этомъ я особенно настаиваю: она даетъ намъ лишь ограниченный уголокъ ея, да и то со специальной точки зрѣнія. Поэтому, исторія науки должна служить дополненіемъ къ исторіи

философін; она должна быть восстановлена непосредственно, независимо отъ исторіи философін и съ помощью совершенно иного метода“ (стр. 10—11). Намъ эта критика историко-философскаго метода кажется нѣсколько несправедливой: далеко не всѣ, во-первыхъ, исторнки философін игнорируютъ связь древнѣйшихъ философскихъ идей съ тогдашнимъ общенаучнымъ развитіемъ; а во-вторыхъ, едва ли сообразно съ научнымъ достоинствомъ исторіи философін считать для нея допустимымъ усвоеніе древнѣйшимъ мыслителямъ Аристотелевскихъ понятій и необязательнымъ восстановленіе истиннаго образа мыслей этихъ мыслителей. Но, разумѣется, эта несправедливость не мѣшаетъ намъ признать, что самъ авторъ понимаетъ свою задачу вполне правильно и научно, и считать его книгу полезнымъ пособіемъ къ изученію древнѣйшей греческой философін.

Относительно своихъ задачъ, метода и научнаго значенія своей работы авторъ даетъ слѣдующія разъясненія: „До Платона почти всѣ мыслители Эллады были не философами въ современномъ смыслѣ этого слова, но *физиологами*, какъ тогда говорили, т. е. учеными. Вся ихъ наука была, правда, рядомъ заблужденій, нагроможденіемъ неосновательныхъ гипотезъ, но это не важно: путь отъ невѣжества къ истинѣ лежитъ чрезъ заблужденія; гипотеза же, поскольку она можетъ быть провѣрена, есть лучшее средство приблизиться къ достовѣрности. Исторія происхожденія наукъ должна прежде всего рассмотретьъ эти заблужденія, заняться этими первыми гипотезами; ея задача—указать, въ какой степени однѣ изъ нихъ способствовали развитію мысли, другія же препятствовали ему. Зерномъ системъ древнихъ физиологовъ служила не какая либо метафизическая система, но общее представленіе міра, образованное у каждого изъ нихъ на основаніи совокупности его частныхъ знаній. Только отъправляясь отъ этихъ конкретныхъ представленій, физиологи могли подняться до абстракцій, еще непривычныхъ въ то время; эти абстракціи и составили впоследствии область собственной философін, между тѣмъ какъ ученые спеціалисты мало-по-малу утрачивали къ нимъ всякій интересъ. Но для того, чтобы найти это зерно, чтобы восстановить общее міропредставленіе физиологовъ, очевидно, необходимо поставить на первое мѣсто взгляды послѣднихъ на различ-

ные физическіе вопросы, которыми въ исторіи философіи обыкновенно пренебрегаютъ, отводя имъ послѣднее мѣсто. Нужно прежде всего постараться связать другъ съ другомъ эти мнѣнія и по возможности объяснить ихъ историческое преемство. Очевидно, что намѣченный мною методъ совершенно противоположенъ (?) тому, который обыкновенно употребляется въ исторіи философіи. Результаты, къ которымъ можетъ привести систематическое примѣненіе этого метода, выяснятся по прочтеніи отдѣльныхъ монографій, собранныхъ въ этомъ томѣ. Какъ бы несовершенны ни были эти первыя попытки, я все же рѣшаюсь утверждать, что лишь этимъ путемъ можно внести порядокъ и ясность въ область, гдѣ до сихъ поръ господствовала сбивчивость и неизвѣстность; этотъ методъ особенно способствуетъ нахожденію единства и внутренней связи между такими ученіями, которыя съ философской точки зрѣнія разсматриваются, какъ противорѣчивыя и несомвѣстимыя.... Я не задавался исключительной цѣлью собрать въ этомъ томѣ матеріалы для исторіи происхожденія наукъ, — я хотѣлъ прибавить къ нимъ нѣсколько теоретическихъ соображеній, а также дать нѣчто въ родѣ дополненія къ исторіи происхожденія философіи“ (стр. 11—13).

Что касается формы изложенія, то авторъ даетъ рядъ монографій, посвященныхъ отдѣльнымъ мыслителямъ. „Я не скрываю отъ себя, говоритъ онъ, тѣхъ важныхъ неудобствъ, которыя представляетъ эта форма для настоящей исторіи научныхъ доктринъ: она или затемняетъ связь между отдѣльными ученіями, или же, при стремленіи отмѣтить ихъ преемство, приводитъ къ скучнымъ повтореніямъ. Мнѣ кажется однако, что еще не насталъ надлежащій моментъ для попытки написать подобную исторію; теперь намъ гораздо нужнѣе спеціальныя изслѣдованія и детальныя разборъ, хотя бы отъ нихъ и пострадало единство работы“ (стр. 14). Не отрицая важности предпринимаемой авторомъ работы, мы не можемъ однако согласиться съ нимъ въ томъ, чтобы въ настоящее время невозможна была связная и цѣльная исторія древнѣйшей греческой философіи: детальныя филологическія и историческія изслѣдованія уже и теперь сдѣлано въ этой области весьма достаточно,—настолько, что, по убѣжденію нѣкоторыхъ историковъ философіи, мы теперь

исторію древней философіи знаемъ даже лучше средневѣковой. Но, разумѣется, и этотъ несправедливый упрекъ автора историкамъ философіи отнюдь не обезцѣниваетъ его собственной работы. Порядокъ своихъ монографій авторъ опредѣляетъ хронологіей тѣхъ мыслителей, которыми онъ занимается въ своей книгѣ. „Только этимъ путемъ, говоритъ онъ, и можно установить преемство научныхъ знаній и отмѣтить распространеніе открытій; даже съ философской точки зрѣнія хронологическій методъ не представляетъ серьезныхъ неудобствъ въ примѣненіи къ такой эпохѣ, когда школъ собственно не существовало, за исключеніемъ пифагорейской; — впрочемъ, перемѣны, которымъ подверглось ученіе послѣдней, намъ почти совершенно неизвѣстны“ (стр. 15).

Какъ видимъ, авторъ болѣе всего стремится къ разрѣшенію собственно исторической задачи — къ восстановленію ученій древне-греческихъ мыслителей въ ихъ подлинномъ и точномъ смыслѣ, въ ихъ дѣйствительной обстановкѣ и реальныхъ отношеніяхъ, а философско-критической задачѣ усваиваетъ подчиненное значеніе. Соответственно этому, существеннѣйшую важность для него представляетъ установка хронологіи философовъ и критика источниковъ. Изслѣдованію этихъ двухъ вопросовъ и посвящены двѣ первыхъ главы его книги.

Такъ какъ всѣ безъ исключенія труды философовъ досократовской эпохи утрачены, то Таннери совершенно справедливо видитъ себя вынужденнымъ предварительно рѣшить вопросъ о цѣнности источниковъ, которыми онъ пользовался для своихъ монографій. Источники эти—двоякаго рода: во-первыхъ, отрывки изъ сочиненій философовъ, сохраненные полиграфами и комментаторами греко-римскаго періода, и, во-вторыхъ, такъ называемые доксографы. Что касается отрывковъ, то, по словамъ Таннери, „не говоря уже о тѣхъ сомнѣніяхъ, которыя можетъ вызывать вопросъ о подлинности этихъ отрывковъ, нужно замѣтить, что послѣдніе вообще не могутъ быть обособлены отъ текста сохранившихъ ихъ писателей, которые обыкновенно такъ или иначе толкуютъ ихъ смыслъ, зачастую весьма темный. Поэтому невольно возникаетъ вопросъ, существовало ли сочиненіе того или другого „физиолога“ въ то время, когда дѣлался дошедшіе до насъ наброски, было ли оно цѣликомъ прочтено

авторомъ, такъ что послѣдній могъ вполне проникнуться духомъ античныхъ ученій, или же онъ просто взялъ эти цитаты изъ вторыхъ рукъ, изъ какихънибудь неполныхъ экскерптовъ или у другихъ авторовъ, тоже болѣе или менѣе ненадежныхъ. Всѣ эти вопросы требуютъ, конечно, детальнаго разсмотрѣнія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; къ несчастію, при современномъ состояніи нашихъ знаній они вообще врядъ ли могутъ быть окончательно рѣшены. Напримѣръ, было бы очень интересно узнать въ точности, до какой степени сохранились въ неприкосновенности труды Гераклита или Парменида; но мы должны сознаться въ полномъ своемъ невѣжествѣ относительно этого вопроса. „Я думаю однако, прибавляетъ онъ, что чѣмъ глубже мы будемъ проникать въ неизвѣстную намъ область исторіи античнаго міра, тѣмъ скорѣе придемъ къ убѣжденію, что цитаты вообще, а въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя приводятся у авторовъ времени упадка, далеко не всегда берутся прямо изъ цитируемыхъ трудовъ. Въ древности сочиненія античныхъ авторовъ, за исключеніемъ классиковъ, были вообще рѣдки и цѣнились очень дорого; ихъ можно было найти только въ большихъ бібліотекахъ. Поэтому въ большинствѣ случаевъ довольствовались добываніемъ свѣдѣній изъ компиляцій или полиграфическихъ сборниковъ. Подобные сборники, касающіеся самыхъ разнообразныхъ предметовъ, сохранились и до нашего времени, но мы знаемъ на вѣрное, что ихъ было гораздо больше, и не сомнѣваемся, что при ихъ составленіи они, подобно нашимъ словарямъ, болѣею частью служили другъ для друга источникомъ. Итакъ, нельзя дать общихъ правилъ для опредѣленія цѣнности отрывковъ древнихъ фізіологовъ, какъ историческихъ источниковъ“ (стр. 15—17).

Иначе обстоитъ дѣло съ другимъ источникомъ. „Если задаться вопросомъ, какими источниками пользовались греческіе доксографы, что между ними общаго, и въ какой степени можно довѣрять каждому изъ нихъ,—то на эти вопросы мы можемъ найти болѣе или менѣе точные отвѣты“ (стр. 17). Поэтому въ I-ой главѣ авторъ ограничивается лишь исторіей доксографовъ, не касаясь критики отрывковъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что эта глава не обработана авторомъ самостоятельно, а написана на основаніи *Prolegomeni*, пред-

посланныхъ Германомъ Дильсомъ его изданію „*Dollographi graeci*“ (Berlin, 1879).

Итогъ изслѣдованія въ этой главѣ сводится къ тому, что „сочиненія физиологовъ никогда не были прямыми источниками доксографовъ; послѣдніе имѣютъ своимъ первоисточникомъ обширный историческій трудъ Теофраста, впрочемъ, рано утраченный и замѣненный сокращеніями и компиляціями, по которымъ и составлялись дошедшіе до насъ сочиненія доксографовъ“ (стр. 17; ср. стр. 29)¹⁾. Историческое сочиненіе Теофраста по своему происхожденію стоитъ въ связи съ обыкновеніемъ Аристотеля — прежде чѣмъ излагать свое ученіе, приводитъ мнѣнія, высказанныя по данному вопросу до него, и опроверженіемъ ихъ готовить почву для развитія собственныхъ теорій. Научныя сочиненія Стагирита даютъ намъ множество историческихъ свѣдѣній, драгоценныхъ по причинѣ ихъ древности и полной компетентности автора (стр. 19). „Интересъ, который представляли разсѣянные такимъ образомъ въ сочиненіяхъ Аристотеля историческія свѣдѣнія, а равнымъ образомъ самыя пробѣлы въ этихъ свѣдѣніяхъ, должны были вызвать у лицъ, желавшихъ отдать себѣ отчетъ въ понятіяхъ прошлыхъ временъ, потребность въ составленіи цѣлаго труда, посвященнаго полному и правдивому анализу сочиненій древнихъ физиологовъ. Таковы были однѣ изъ тѣхъ задачъ, какія поставилъ себѣ Теофрастъ, самый извѣстный изъ учениковъ и послѣдователей Аристотеля. Написанная имъ исторія, повидимому, была извѣстна въ древности въ двухъ различныхъ редакціяхъ: одна въ 16 книгахъ носитъ заглавіе „О мнѣніяхъ физиковъ (*περὶ φυσικῶν δοξῶν*)“, другая въ 18 кн.—.“(1)

¹⁾ Что касается исторіи математики, то она была впервые написана только Эвдемомъ, современникомъ Теофраста. „Этимъ историческимъ трудомъ пользовались въ концѣ александрийскаго періода Геминъ въ своей „Теоріи математики“, а въ концѣ греко-римской эпохи — Порфирій и Паппъ въ „Комментаріяхъ къ Эвклиду“. Изъ этихъ то утерянныхъ трудовъ, а не изъ самаго Эвдема, взяты цитаты, приведенныя въ „Комментаріяхъ на первую книгу Эвклида“, написанныхъ Прокломъ въ 5 вѣкѣ. Что же касается до длиннаго и очень важнаго отрывка, сохраненнаго Симплиціемъ, то онъ, вѣроятно, былъ заимствованъ изъ спеціальной компиляціи 3-го столѣтія. Въ 4-мъ вѣкѣ исторія Эвдема, вѣроятно, была потеряна, да и раньше она почти не служила прямымъ источникомъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ“ (стр. 17—18).

физикахъ (*περὶ φυσικῶν*)“.... Отъ этого обширнаго труда сохранился только одинъ цѣльный отрывокъ, относящійся къ „ощущеніямъ“, и нѣсколько цитатъ, большая часть которыхъ находится у Симплиція, заимствовавшаго ихъ у Александра Афродисійскаго“ (стр. 19—20). Сочиненіемъ Теофраста широко пользовались составители біографій и авторы „*Λεξικοῦ φιλοσόφων*“, дѣлая изъ него извлеченія. Одно изъ подобныхъ извлеченій легло въ основу „*Philosophumena*“ Ипполита. Пользовались и другими сокращеніями изъ Теофраста, все болѣе и болѣе удаленными отъ первоначальнаго источника (напр., авторъ псевдо-Плутарховыхъ „Строматъ“, Діогенъ Лаэртскій, церковные писатели — Евсевій, Теодоритъ, Иринея, Ариобій, Августинъ, Епифаній и др.). Въ александрийскую эпоху составленъ былъ (тоже не дошедшій до насъ) сборникъ на манеръ Теофрастова, извѣстный въ наукѣ подъ именемъ *Placita*. Ихъ остатки сохранились въ двухъ дошедшихъ до насъ компиляціяхъ: *Placita* псевдо-Плутарха и первая книга „Эклогъ“ Стобея. Эти и другіе труды, извѣстные подъ именемъ „источниковъ“, имѣютъ въ высшей степени относительную цѣнность, — лишь посколькѣ они приближаются къ Теофрасту.

Вторая глава, трактующая хронологію „фізіологовъ“, тоже составлена по Дильсу (статья въ *Rheinisches Museum* XXXI, 1, 15). Теофрастъ далъ мало хронологическихъ указаній, потому что въ его эпоху датами еще не интересовались. „Начало хронологіи было положено Эратосѣеномъ. Вѣроятно, онъ интересовался не только царями, но и философами; впрочемъ, отъ него дошла до насъ только одна такого рода статья у Діогена Лаэртскаго (VIII, 51), который, повидимому, взялъ ее изъ вторыхъ рукъ: въ своихъ „Олимпійскихъ побѣдахъ“ Эратосѣенъ отмѣтилъ по Аристотелю какъ побѣдителя на 71 Олимпіадѣ дѣда Эмпедокла, носившаго то же имя, что и его внукъ. Во II в. до Р. Х. собранныя Эратосѣеномъ хронологическія свѣдѣнія получили распространеніе благодаря дидактической поэмѣ, успѣхъ которой былъ такъ великъ, что заставилъ забыть сочиненія самого Эратосѣена, по крайней мѣрѣ, посколькѣ они касались хронологіи философовъ: четыре книги „*ἑρουργία*“ Аполлодора Аѣннскаго, написанныя трехстопнымъ стихомъ и обнимавшія періодъ отъ взятія Трои (1184) до 144 г., были посвящены царю Атталу II

Пергамскому; но авторъ, должно быть, далъ въ послѣдствіи второе продолженное изданіе, такъ какъ Діогенъ Лаэртскій относитъ по Аполлодору смерть Карнеада къ Ол. 162, 4=129/8. Діогенъ Лаэртскій часто цитируетъ Аполлодора, хотя, вѣроятно, чрезъ посредство одного изъ біографовъ, автора „*Λαδοχαί φιλοσόφων*“, или другого компилятора, какъ напримѣръ Памфілы. Во всякомъ случаѣ, даты Діогена Лаэртскаго съ ссылками на Аполлодора единодушно признаются наиболѣе достовѣрными, а потому возстановленіе хронологіи древнихъ философовъ по Аполлодору представляетъ собою интересную задачу, имѣющую преимущество выполнимости предъ возстановленіемъ дѣйствительной и точной хронологіи“ (стр. 31—32). Мы не будемъ останавливаться на выполненіи авторомъ этой задачи. Замѣтимъ только, что онъ, выступая рѣшительнымъ сторонникомъ мысли о невозможности возстановить дѣйствительную хронологію досократовскаго періода и о необходимости, поэтому, довольствоваться хронологіей Аполлодора, подчеркиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крайнюю сомнительность Аполлодоровыхъ датъ, — именно для этого періода: „начиная съ Сократа, говоритъ онъ въ заключеніе этой главы, хронологія философовъ стоитъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ; въ ней уже не встрѣчается больше значительныхъ разногласій и серьезныхъ затрудненій, и здѣсь то можно убѣдиться въ богатствѣ свѣдѣній Аполлодора, который сумѣлъ воспользоваться ими для окончательнаго возстановленія хронологіи, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ лицъ. Вполнѣ ясно, напротивъ, что для періода, на которомъ мы остановились (досократовская философія), у Аполлодора не было, за малымъ исключеніемъ, никакихъ точныхъ свѣдѣній. Мы видѣли, на какомъ произвольномъ фундаментѣ и изъ какого недостовѣрнаго матеріала онъ первый построилъ хронологію философовъ; но, по крайней мѣрѣ, какъ я уже сказалъ, его сочиненіе систематично, и его даты не представляютъ никакого историческаго противорѣчія. Даже болѣе того, мы видѣли, что поправки, которыя пытались внести въ данныя Аполлодора, начиная съ Сосикрата, были обоснованы такъ же мало, какъ и гипотезы самого Аполлодора и привели къ различнымъ ошибкамъ“ (стр. 55). Незавидно оказывается, положеніе историка древнѣйшей греческой философіи, вынужденнаго довольствоваться по во-

просамъ хронологіи лишь такимъ суррогатомъ истины. Но съ неизбежною надо мириться; вѣдь и безъ точной хронологіи мы всетаки можемъ довольно точно изучать генезисъ и взаимныя вліянія философскихъ идей этого періода. А затѣмъ, почему не надѣяться на лучшее будущее, которымъ можетъ подарить насъ классическая археологія съ ея постоянно умножающимися открытіями?...

Слѣдующія главы,—съ III по XIII,—представляютъ изъ себя рядъ монографій: о Фалесѣ, Анаксимандрѣ, Ксенофанѣ, Анаксименѣ, Гераклитѣ, Гиппасѣ и Алкмеонѣ, Парменидѣ, Зенонѣ, Мелиссѣ, Эмпедоклѣ и, наконецъ, Анаксагорѣ. Последняя глава (XIV) посвящена пифагорейской ариѳметикѣ. Въ этихъ монографіяхъ собрано и обсуждено все существенно важное, что даютъ памятники для исторіи того или иного философа. При этомъ авторъ не уклоняется и отъ критическихъ экскурсій въ область раздѣляющихъ историковъ философіи разномиѣнній. Нѣкоторые отдѣлы, впрочемъ, и здѣсь составлены несамостоятельно (напр., космологія Анаксимандра возстановляется по Тейхмюллеру, II и III отдѣлы о Гераклитѣ—тоже и под.). Историческую обстановку и кругъ научныхъ идей каждаго философа, а также и его собственно философскіе взгляды авторъ старается возстановить съ возможною полнотою ¹⁾. Все это дѣлаетъ книгу Таннери, прежде

¹⁾ Чтобы дать читателямъ возможность судить о разнообразіи, полиотѣ и серьезности вопросовъ, трактуемыхъ книгой Таннери, мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь приложенный къ ней, въ видѣ оглавленія, подробный конспектъ ея содержанія. Гл. III: Фалесъ Милетскій. Фалесъ заимствовалъ изъ Египта не только свои математическія и астрономическія знанія, но равнымъ образомъ и свою космологію, 57.—Жизнь Фалеса, предсказаніе имъ солнечнаго затменія, 59.—Свѣдѣнія Фалеса по ариѳметикѣ, 66.—Свѣдѣнія Фалеса по геометріи, 68.—Чего Фалесъ не могъ знать? 75.—Возстановленіе космологической системы Фалеса, 78.—Остальные взгляды Фалеса, 81. Гл. IV: Анаксимандръ Милетскій. I. Анаксимандръ, какъ ученый, 85.—Гномонъ и солнечныя часы древнихъ, 86.—Небесная сфера, 88.—Первая географическая карта, 91.—Система. Возстановленіе космологіи по Тейхмюллеру, 92.—Новыя детали, 95.—Возможныя предположенія относительно высоты колець и степени прозрачности оболочекъ, 96.—Безконечное и неопредѣленное. Анаксимандръ мыслилъ безконечнымъ время, но не пространство, 99.—Понятіе Анаксимандра о матеріи, какъ о неопредѣленномъ дѣломъ, 103.—IV. Доктрины о происхожденіи міра. Историческій очеркъ ученій о вѣчности міра, его сотвореніи, періодической

всего, весьма полезнымъ справочнымъ пособіемъ по исторіи древнѣйшей философіи, тѣмъ болѣе, что на русскомъ

эволюціи и энтропіи, 106.—Критика эволюціонизма и энтропіи, 112.—Гл. V: Ксенофанъ изъ Колофона. I. *Тезисъ Пивагора*. Можно ли найти околнымъ путемъ нѣкоторыя доктрины Пивагора? 121. — Вдыханіе міромъ пустоты, отрицаемое Ксенофаномъ, 123.—Исторія понятія о безконечномъ, 125. — II. *Ксенофанъ, какъ поэтъ*. Жизнь и характеръ Ксенофана, 130. — Борьба Ксенофана съ политеизмомъ, 132. — III. *Ксенофанъ, какъ физиологъ*. Его мнѣнія о природѣ, 134.—Ненаучный характеръ физическихъ мнѣній Ксенофана, 137. — IV. *Заблужденіе Теофраста*. Мнѣніе Ксенофана о безконечности, 138.—Гл. VI: Анаксименъ. I. *Понятіе *ἀλτρον* у Анаксимена*. Анаксименъ не считалъ матерію безковечной; онъ придаетъ слову *ἀλτρον* то же значеніе, что и Анаксимандръ, 144.—II. *Космологическая система*. Успѣхи въ области наукъ, 148, — Гипотеза темныхъ небесныхъ тѣлъ для объясненія фазъ и затмевій, 151. — Твердость небснаго свода, 154.—Порядокъ планетъ; сближеніе съ Гераклитомъ, 156.—III. *Единство матеріи*. Анаксименъ первый безусловно признавалъ единство матеріи, 158.—Эмпирической плюрализмъ въ современной наукѣ, 160.—Монизмъ недоказуемъ, 163.—Гл. VII: Гераклитъ Эфесскій. I. *Космологическая система*. Общій очеркъ, 166.—Подробности эволюціи возникновенія и разрушенія міра, 168.—*Гераклитъ, какъ теологъ*. Спеціальныя и анти-научный характеръ философіи Гераклита, 170.—Понятіе о Логосѣ, 172.—III. *Вліяніе Египта*. Мнѣ о Діонисѣ и Просимнѣ, 173.—Различные элементы въ ученіи Гераклита, 177.—IV. *Судьба души*. Относящаяся къ ней египетскія вѣрованія, 181.— Обсужденіе отрывковъ Гераклита, 183.—V. *Сознательность Логоса*. Богъ Гераклита сознательнъ и личнъ, 186.—Гл. VIII: Гиппась и Алкмеонъ. Гиппась, 190.—Приверженцы пивагорейства: Алкмеонъ и Парменидъ, 102.—Доксографія, 193.—Двойныя сочетанія у пивагорейцевъ, 195.—Космологія Алкмеона, 198.—Два курса преподаванія у Пивагора, 199.—Форма свѣтилъ и объясненіе затмевій въ школѣ Пивагора, 200.—Физиологическія взгляды Алкмеона, ощущенія, 204.—Происхожденіе челоука, 206.—Гл. IX: Парменидъ Элейскій. I. *Истина и мнѣніе*. Положеніе, занимаемое Парменидомъ; его реализмъ, 210.—Идеализмъ, какъ результатъ впервыя основанной Парменидомъ теоріи познанія, 212.—II. *Дуализмъ Парменидовой физики*. Ея пивагорейскій характеръ, 218.—Двѣ формы бытія, 219.—Происхожденіе міра, 221.—III. *Космологія*. Сопоставленіе съ мнѣніями Пивагора, Ксенофана и Анаксимандра, 222. — „Вънды“ Парменида, 224. — Научные успѣхи, 226.—IV. *Элементы пивагорейства въ системѣ Парменида*. „Ананке“ и мифологическія олицетворенія, 229.—Теорія свѣта: сопоставленіе съ Эмпедокломъ и Филолаемъ, 239.—Гл. X: Зенонъ изъ Элеи. Значеніе его діалектики съ точки зрѣнія исторіи математики, 235.—Значеніе отрицанія Зенономъ множественности, 237.—Отрицаніе Зенономъ множественности направлено противъ понятія точки у пивагорейцевъ, 238.—Аргументы Зенона по Евдему и Симплицію, 240. — Новое объясненіе аргументовъ противъ движенія, 245.—Зенонъ остается на конкретной почвѣ, какъ и

языкъ другой подобной книги въ настоящее время не существуетъ. Не вправѣ игнорировать ее и специалистъ, такъ какъ многія мнѣнія и сужденія автора заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія и научной критики. Достоинства книги въ особенности возвышаются присоединенными къ ней *приложеніями перевода первоисточниковъ*. О цѣнности этихъ приложеній нечего и говорить: это—прямо самое лучшее, что только могъ сдѣлать для своихъ читателей историкъ древнѣйшей греческой философіи, потому что ничего подобнаго и сколько нибудь равноцѣннаго доселѣ въ русской учено-учебной литературѣ еще не было. Сохранившіеся отрывки изъ сочиненій философовъ разсма-

Парменидъ, 248. — Успѣхи Зенонова ученія, 250. — Гл. XI: Мелиссъ Самосскій. Мелиссъ, авторъ трансцендентальнаго монизма, обыкновенно приписываемаго всей элейской школѣ, 252.—Причины недостаточно высокой оцѣнки Мелисса, 254.—Опроверженіе критики Аристотеля, 256.—Мелиссъ не зналъ ни Анаксагора, ни Эмпедокла, ни атомистовъ, 258.—Мелиссъ не физикъ, 261.—Гл. XII: Анаксагоръ изъ Клазоменъ. I. Анаксагоръ, какъ человекъ и ученый. Характеръ Анаксагора, 263.—Научные труды, приписываемые Анаксагору, 264.—Астрономія Анаксагора, 266.—II. Теорія матеріи. Различіе матеріи и причины движенія, 269.—Безконечная дѣлимость матеріи и неразложимость ея на составныя части, 271.—III. Критика теоріи матеріи Анаксагора. Ея цѣнность, 273.—Современная Кантовская форма теоріи матеріи Анаксагора, 274.—Новое объясненіе нѣкоторыхъ отрывковъ, 278.—IV. Историческое вліяніе теоріи Анаксагора. Ея отношеніе къ теоріи идей, 281. — Матерія по Платону, 282.—Гл. XIII: Эмпедоклъ Агригентскій. Любовь и ненависть Эмпедокла—протяженные элементы, 287.—Происхожденіе этихъ понятій, 289. — Вопросъ о взаимной несводимости Эмпедокловыхъ элементовъ, 290. — Силы, которыя допускалъ Эмпедоклъ кромѣ любви и ненависти: притяженіе подобнаго подобнымъ и законъ взаимнаго перемѣщенія стихій, 291.—Притяженіе подобнаго подобнымъ, 292.—I. Космогонія Эмпедокла, 293.—Эклектичскій характеръ представленій Эмпедокла, 297.—II. Космологія Эмпедокла, 299.—III. Характеристика ученія о четырехъ элементахъ, 302.—Гл. XIV: О пифагорейской арифметикѣ. Появленіе арифметики въ сочиненіяхъ Эвклида, 305.—Никомахъ и Теоитъ Смирнскій, 307.—Ямвлихъ, 308.—Теологумены, 310.—Отрывокъ изъ Спевзиппа о Пифагорейскихъ числахъ, 311. — Вопросъ о происхожденіи мистическихъ спекуляцій надъ числами декады, 312. — Относящіяся къ этому вопросу цитаты изъ древнихъ Пифагорейцевъ, 314.—Цитаты объ Арифметикѣ научнаго характера, 317.—Когда жилъ Фимаридъ, единственный пифагореецъ, писавшій объ арифметикѣ? 312.—Арифметическія главы у Ямвлиха, 324.—Переводъ отрывковъ изъ Спевзиппа и пояснительныя примѣчанія, 325.

триваемаго періода даны въ приложеніи *всѣ*, и для русскаго изданія они переведены прямо съ греческаго текста: отрывки Эмпедокла переведены Э. Л. Радловымъ, прочіе—Г. Ф. Церетели, при чемъ переводъ отрывковъ Гераклита былъ отредактированъ извѣстнымъ † проф. В. К. Ернштедтомъ. Доксографы переведены г. Церетели по изданію Дильса въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они приложены къ книгѣ Таннери. Что касается достоинствъ этого перевода, то мы, на основаніи сличенія съ подлинникомъ многихъ мѣстъ его, находимъ его очень хорошимъ. Эти приложенія къ книгѣ Таннери не только даютъ возможность читателю провѣрять выводы автора по первоисточникамъ, но и могутъ служить прекраснымъ пособіемъ при практическихъ занятіяхъ по древней философіи съ учащимися.

Главныхъ недостатковъ въ книгѣ Таннери мы усматриваемъ четыре:

1) нѣкоторое незаслуженное и не оправдываемое недовѣріе къ свидѣтельствамъ о древнѣйшихъ философахъ Аристотеля; по нашему мнѣнію, свидѣтельства Аристотеля, конечно, не исключаютъ критическаго отношенія къ нимъ, но, во всякомъ случаѣ, въ общемъ заслуживаютъ весьма большого довѣрія и даже могутъ быть критеріями при опредѣленіи цѣнности позднѣйшихъ свидѣтельствъ.

2) Компилятивность нѣкоторыхъ отдѣловъ.

3) Нѣкоторое предубѣжденіе противъ историковъ философіи и ихъ методовъ, влекущее за собою сравнительную бѣдность эрудиціи и неосвѣдомленность по нѣкоторымъ важнымъ научнымъ разногласіямъ.

4) Меньшее вниманіе къ собственно философскимъ взглядамъ изучаемыхъ мыслителей, чѣмъ къ ихъ естественнонаучнымъ и математическимъ ученіямъ и познаніямъ.

Но всѣ эти недостатки нисколько не мѣшаютъ намъ видѣть въ этой книгѣ полезный вкладъ въ литературу по исторіи философіи, а въ переводѣ ея на русскій языкъ крупную услугу какъ дѣлу преподаванія философіи въ нашемъ отечествѣ, такъ и дѣлу распространенія философскихъ знаній въ нашемъ образованномъ обществѣ.

П. Тихомировъ.